

Юлия
Турина

СЕСТРЫ

можно обмануть весь мир,
но не свою сестру

нецензурная брань! Содержит
18+

Мы же взрослые люди. Романы Юлии Гуриной

Юлия Гурина

Сестры

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 82(2Рос=Рус)6-44

Гурина Ю.

Сестры / Ю. Гурина — «Эксмо», 2021 — (Мы же взрослые люди.
Романы Юлии Гуриной)

ISBN 978-5-04-116185-9

В романе «Сестры» Юлия Гурина со свойственным ее прозе пристальным вниманием к душевным переживаниям описывает жизнь двух сестер. Старшая — благополучная домохозяйка, мечтающая о втором ребенке. Она твердо знает, как все в жизни устроено, как должно быть и что нужно делать. Младшая — одинокая, замкнутая в себе, неуверенная — ни на что не претендует, ведь с детства к ней относились как к слабой и зависимой. Нелепая случайность перечеркивает их прежнюю жизнь и вскрывает неприглядные семейные тайны. Привычный мир сестер рушится, все переворачивается с ног на голову, но после множества трудностей сестры наконец понимают, что их сила в семье, в том, чтобы поддерживать друг друга и решать проблемы сообща. Внимание! Содержит ненормативную лексику!

УДК 821.161.1-31
ББК 82(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-116185-9

© Гурина Ю., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	6
Блины и кисель	8
Род	12
После поминок	15
Утро	18
Дыра в спине	20
Тайны под шубой	24
Зачем все эти события	26
Следователь	27
Паутина женщин	30
Петиция	32
Маша и дневник	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Юлия Гурина

Сестры

© Гурина Ю., текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

Пройдет полгода, год, пройдут долгих три года, и вся жизнь тоже пройдет. А Катя снова и снова будет вспоминать тот день. Никому не нужные подробности, никому не нужных котят. Возможно, ей даже покажется, что все это про нее – что сама она ненужная подробность и ненужный котенок, который жметя к порогу холодного опустевшего дачного дома.

Это был очень длинный день. В обед Катя рванула на дачу к свекрам. Свекры закрыли дачу на зиму, но сообщили, что по участкам бродят бесхозные котята. Кошка куда-то делась, может, дачники забрали. Свекры взять котят не могут, потому что мебель и запах. Возиться с ними нет сил, но жалко, замерзнут-сдохнут. Они знали, кому это рассказать: Катя же Робин Гуд, Мать Тереза и Дон Кихот. Катя – дед Мазай. Вот она и рванула.

Осенью дороги скользкие, жирные. Небо норовит упасть на голову. И приходится жить, всего этого не замечая. Вянут цветы в палисадниках, гниют опавшие листья. Старики печально идут на почту и гадают, сколько еще раз они успеют получить пенсию – двадцать или меньше. На даче появляются промокшие котята, больше похожие на крыс. А что с ними делать? В поселке остается жить только бывший зэк Витя, который питается водкой. В приступе пьяной щедрости он иногда плещет котяткам водку в миску и дает кусок дешевой вареной колбасы или хлеба.

Котята жмутся к вашим ногам, мяукают, потому что Витя спит второй день и жрать им нечего. Кошка окотилась еще в июне, прятала котят в заброшенном страшном деревенском доме – там, где никто не мог их найти, чтобы утопить. Всем было не до котят, кошка попрошайничала и получала еду от разных дачников. А дом страшный, потому что уже лет двадцать на него никто не претендовал. Некрашенный коричневый сруб, покосившийся и сгнивший снизу, крыша просела, покрыта мхом. Если заглянуть в окно, то видно, что посреди комнаты стоит гроб – упал с чердака. В этих местах принято было делать гробы заблаговременно и хранить на чердаке, пока не понадобятся. Этот слишком долго ждал своего часа. Потолок от ветхости и сырости проломился, и гроб упал. Так и стоит, никому не нужный. Хозяин дома, видать, давно покоится совсем в другом гробу, а этот брошен, предан забвению. Возможно, как раз в нем и родились котята.

И вы тащите домой этих котят, чертыхаясь. В коробке из-под чего-то – на даче всегда полно коробок. Котята от ужаса притихли. Вы прете их домой, ненавидя осень, размножение, себя. Свое мягкое сердце и эту тупую жалостливость. Ненавидите чертову деревню и то, что вместе с дождями осени и без того нерадушный мир пропитывается страданием все глубже и глубже, а справедливости становится все меньше и меньше. Будто ее смывает дождями. Или люди по какой-то нечестной причине вдыхают справедливость, а выдыхают углекислый газ. И если не ты, то котята замерзнут, небо упадет или случится что-нибудь еще похуже. Кто, если не ты?

Катя везла котят в машине. Мысли мрачнели. Внутри крепло чувство гнева – праведного, справедливого, прожигающего, сильного. Кто, если не она? Ведь так было всегда, сколько она себя помнит. В школе староста, в институте тоже староста, активист, заводила. Организовывала сбор вещей для бедных, возила студентов к ветеранам. Собираала подписи под петициями. Активная гражданская позиция, ё-моё. Родительский комитет в саду и после в школе тоже лежал на ее плечах. И чат совета дома – опять ее же рук дело. Катя почувствовала, что начала заводиться, вскипать. Тут еще эти котики, чтоб их. Но бросить невозможно. Совершенно невозможно. Сколько еще ей придется тянуть на себе? Когда уже можно будет расслабиться? Почему никого рядом нет сильнее, чтобы можно было все это переложить на другие, более приспособленные для этого плечи? Но все почему-то считали, что самые приспособленные плечи – ее, а свои берегли.

Куда же пристроить этих чертовых котят? Первая мысль была отвезти к родителям в их загородный дом. Родители решили зимовать не в городе, прикармливали бы котят. Катя набирала и набирала номера отца, матери. Не отвечают. Она вспоминала, как сильно это бесило ее. Она высказала, что думает про их молчание, выбирая самые хлесткие выражения. Высказала своему рулю, осенней дороге и притихшим от ужаса, жмущимся друг к другу в коробке полосатым комочкам.

Телефоны продолжали молчать, но волноваться не было сил – все силы ушли на злость. Позвонили Кате ближе к ночи.

Блины и кисель

Стол уже накрыт. В центре – блины. С тетей Леной еще долго спорили, на дрожжах или без дрожжей. Какое это имеет значение?! Тетя считала, что только на дрожжах. Кисель и кутья. Хотя тетя Лена говорила, что всегда обходились без кутьи, но священник подчеркнул, что именно кутья – основное блюдо.

Отварную курицу на южный манер. Бульон с лапшой тоже по традиции.

Долго не могли решить, куда ставить рюмки с водкой или с водой: за общий стол или отдельно. Даже ругались. Сестра Маша отмахивалась, говорила, что ей все равно, где рюмки. Дядья были за то, чтобы на общий стол, а какая-то женщина с высокой прической, будто приехавшая на машине времени из восьмидесятых, говорила, что рюмки должны быть обязательно у кровати.

Маша завесила зеркала, и ее силы на этом закончились. Она сидела в кресле, замотавшись в серый плед, и делала вид, что она сова. Или ваза с изображением совы. Худой измученной совы. Катя злобно поглядывала на сестру, но никак не могла придумать, чем ее занять. Женщины хлопотали на кухне, носили на стол угощения. Мужчины кучковались по возрасту, часто выходили курить. За окном шел дождь со снегом. С курток в коридоре капало.

Все случилось так неожиданно. И так быстро надо было принять столько решений. Все свалилось на дочерей. Маша сразу же замкнулась в себе, и Кате снова пришлось разгребать дела. Документы, родственники, коллеги по работе, друзья семьи. Хорошо, что тетя Лена помогла.

Маша сидела в полузабытьи и пыталась вспомнить, было ли у нее хоть какое-то предчувствие – знаки, сны. Что-нибудь, любое предзнаменование. Нельзя же вот так, без предупреждения совсем.

– Пригласи всех за стол, – старшая сестра сказала строго, холодно, вложив в слова презрение и превосходство.

Маша развернула кокон из пледа. Вытянула тонкие ватные ноги, вставила их в тапки.

– Пожалуйста, садитесь за стол, – Маша повторяла фразу, обращая ее скорее в воздух, нежели конкретным гостям. Вышла на лестницу к лифту и повторила на лестнице. Гости молча шли рассаживаться. Окно у мусоропровода было приоткрыто. Курильщики не хотели выходить на улицу и делали свои курительные дела тут, стряхивая пепел в банку из-под оливок, а дым по возможности выпуская в форточку. Маша глядела в окно стеклянными глазами. На край рамы сел голубь, и вдруг Маше показалось, что это не простой голубь. Она гадала, кто он. Мама или отец? Голубь таращил пустые глаза и распушал перья, чтобы они побыстрее просохли. «Наверное, отец», – подумала Маша.

– Нужно сесть через одного – мужчина рядом с женщиной.

– Зачем еще это?

– Так положено.

Гости рассаживались, стараясь сделать как положено, но женщин было больше. Где-то алгоритм нарушался. Вернулась Маша.

– Ну, помянем, господа... – сказал Виталий Николаевич.

Мужчинам налили крепкое. Женщины в основном решились на кисель. Все встали и помолчали с минуту.

Кате хотелось плакать, но слезы не лились. Ей даже было стыдно за себя немного, что слезы не льются. Глаза оставались сухими, а внутри была ровная спокойная пустота. И больше ничего.

Маша сидела за столом как привидение. Осунувшееся лицо. Взгляд в стол.

– Я давний друг и коллега Андрея Петровича, мы были близко знакомы с его супругой Мариной Львовной, – продолжил Виталий Николаевич после минуты молчания. – Это были искренние, добрые люди. Когда я узнал, что они погибли, я весь день не мог ни о чем думать. Внезапная кончина этой замечательной пары омрачила наши жизни несмываемой скорбью. Жизнь Андрея и Марины оборвалась внезапно, быстро и, как нам кажется, несвоевременно. Сколько всего они не успели еще сделать. Они были полны сил. Мы с Андреем работали над новым грантом, Андрей был чрезвычайно увлечен. Марина же была в полном расцвете сил.

Виталий Николаевич сделал паузу. Глаза его стали красными.

– Когда так внезапно уходят близкие, очень сложно подобрать слова. Если человек веровал в Бога, то ему в эти моменты проще опереться на веру и думать о Царствии Небесном, в которое непременно попадут усопшие. Но как быть людям, все верование которых объясняется физическими и биологическими законами? Нам остается скорбеть и вопрошать о справедливости. Была ли смерть Марины и Андрея глупой ошибкой судьбы, которая случайно забрала не тех? Простите меня. Я говорю неправильные, наверное, вещи. Мне до сих пор сложно поверить в случившееся. Вчера мне казалось, что Андрей был в своем кабинете, говорил по телефону. Я жду, что он похлопает меня по плечу, вот-вот обгонит меня в коридоре. Вы знаете, у него была очень быстрая походка. Он как будто бежал все время... В общем, вечная память, и земля пусть будет им пухом.

Виталий Николаевич быстро опустошил рюмку и сел.

Гости начали накладывать еду, передавали кисель, селедку, откусывали блины.

Все это казалось Маше абсурдным. Ее родители умерли, а вместо них пришла толпа непонятных людей, которые сидят за длинным столом и едят. Жуют, хвалят еду. Что может быть менее подходящим, чем эта замена? Она представила, как заворачивает все угощения в скатерть и выбрасывает с балкона.

– Уходите, – сказала Маша. Тихо, так, что это услышали только ее уши.

– А где портрет усопших? – спросил кто-то из гостей.

– Маша, где портреты? – строго переспросила Катя.

Маша взглянула на нее мутными потухшими глазами.

– Я забыла подготовить. Сейчас принесу.

– Ничего страшного, – кто-то попытался сгладить угол беседы, – их лица и без портрета остаются в нашей памяти.

Маша принесла фотографию. Родители молодые в лесу, на прогулке в Гаграх. Стоят, улыбаются. Счастливые. Кто-то протянул ей тут же черную ленточку, и Маша попыталась привязать ее на уголок фотографии. Ленточка падала, сползала, не хотела держаться, будто сами родители никак не хотели принять свой новый статус.

– Внутри рамки поставь, давай я помогу, – тетя Лена взяла фото пухлыми руками и начала расковыривать рамку.

Гости наблюдали. Потом суматошно решали, куда поставить портрет. На стол к блинам? Нет, не годится. На стену? Некуда. И поставили на пианино. Хорошо, что пианино нашлось. Вот и пригодилось оно наконец-то.

– Пожалуйста, Елена Львовна, скажите слово о наших любимых и безвременно ушедших, – Виталий Николаевич принял на себя роль ведущего поминок. После своей речи он пришел в более сбалансированное расположение духа.

Тетя Лена поднялась с места.

– Я никогда не забуду этот день. Утром мне позвонила Катя и сказала, что Мариночку не спасли. Она боролась всю ночь за жизнь. Но травмы очень тяжелые. И жизнь ее оборвалась. Можно сказать, они умерли с Андреем практически в один день. Вы знаете, вот в сказках говорят, что умереть в один день – это признак счастливой семейной жизни. Мне кажется, нам надо думать, что это так. Марина была замечательным, светлым человеком. Она умела любить.

Она любила Андрея, своих дочек, любила наших с ней родителей. Она светила изнутри. Я думаю, что она превратилась в свет, в ангела. Им теперь уже не страшно. Им хорошо. Они вместе с Андреем. А нам надо жить дальше и самим стать чуть добрее, чтобы они глядели на нас с неба и радовались. Мариночка, как же я теперь без тебя-то?

Тетя Лена вдруг начала выть. Вышла на кухню. За ней прошаркал какой-то старик. Гости замолчали. Сидели так длинную-предлинную минуту.

– Катерина, вы как старшая дочь... Прошу вас... Можете что-нибудь сказать? – Виталий Николаевич выглядел ужасно нелепо. И говорил нелепо. И вообще его присутствие тут тоже было нелепым. Нелепым, как сама жизнь.

– У меня есть что сказать, конечно, – голос Кати звучал холодно, уверенно, жестко, – есть что сказать. Мои родители были мирные люди. Они жили, не нарушая законов. Платили налоги, воспитали нас, отдавались работе, они учили, спасали жизни. Они были очень хорошими гражданами своей страны. Они служили своему государству. А что они получили в ответ? Государство их убило! Потому что, к сожалению, не все такие добросовестные, как мои мама и папа. В нашей стране полно халтурщиков и туеядцев.

Виталий Николаевич коснулся Катиной руки, жестом пытаясь утешить и остановить, но Катя отдернула руку, кисель выплеснулся из стакана.

– И я не буду молчать. Я не сдамся. Я сделаю все, чтобы виновные понесли наказание за свою халатность и безалаберность. И это не жажда мести. Это жажда справедливости. И несмотря на то что меня в этом не поддерживает ни родная сестра, ни муж... – Маша оставила эту реплику без ответа, даже телом не шелохнулась, а Олег вытянулся в струну, набрал в легкие воздух, чтобы возразить, но Катя говорила все громче и быстрее: – Я буду бороться за справедливость! Мои родители не должны были умереть так быстро! Но так получилось, что у них оказалось слишком много убийц. Я обещаю, что не остановлюсь, пока не найду каждого. Аминь!

Катя сделала несколько больших глотков киселя. И вышла из-за стола.

Тишина застолья сменилась на шепот.

– Это же был несчастный случай, разве нет?

– Какие убийцы?

– Бедная девочка... Такое горе. Но держится стойко.

А Катя стояла на кухне, глядела в окно. В окне качались на ветру облезлые деревья. Рама у окна тоже какая-то облезлая, деревянная. На холодильнике сидел холщовый домовой с пластмассовыми глазами и соломенными волосами – подарок мамы. У Кати такой же дома.

– Кать, ну не заводись ты так при гостях, – услышала она голос мужа.

Он подошел и обнял ее – такой огромный медведь. Навалился на нее своим рыхлым, булькающим телом, и она почувствовала, что вот-вот задохнется. Не в прямом смысле – в переносном. Рядом с ним она была будто бы под водой.

Тетя Лена в это время разливала гостям куриную лапшу. На поминках непременно должна быть лапша.

– Маша, передаю вам слово, – Виталий Николаевич уже пожалел, что взялся вести поминальный ужин, хоть его и никто не просил.

Маша продолжала быть совой. Голова упала в плечи. В горле стоял комок, в животе узел из свернутой скатерти. Она так и не притронулась к еде и не смогла пить кисель. Все гости, сидящие за столом, воззрились на нее. Маше опять захотелось всех выгнать. «Уходите отсюда все!» – хотелось ей прокричать. Но приличия же.

Маша медлила и молчала. Виталий Николаевич издал несколько кашляющих звуков. Маша повернула голову в его сторону. Она поняла, что от нее ждут слов. Но какие могут быть слова? О чем говорить? Маше почудилось, что огромная черная птица накрыла ее своими перьями и никто ее теперь не увидит наконец-то.

– Я ничего не могу сказать. Простите.

Род

Но не расходиться же всем из-за этого, правда? Родственники в наше время редко собираются. Юбилеи и все чаще похороны. Уходит поколение, как всегда, преждевременно. Удивительно: смерть сближает родню, а другие семейные поводы – уже нет. Смерть близких – чуть ли не единственная причина увидеть людей своего рода. Нас стало меньше, давайте же посмотрим друг на друга. Вы не находите в этом сарказм?

За столом собрались родственники и несколько близких друзей семьи. Один клан, а все такие разные. Тетя Лида – из династии бухгалтеров и торговых работников. Недавно ей сняли стому, но держится бодро. Ее дочка и внук, который работает в налоговой инспекции. Высокий, подтянутый, с особенным выражением лица. Каким? Не понять точно. Налоговым инспекторам выдают специальные памятки, где четко прописано, какое надо стремиться придать выражение своему лицу. Вот у него как раз такое. Непроницаемое, правосудное, уверенное. Люди системы часто отражают в своем облике лицо системы.

Двоюродная бабушка Варвара тоже пришла с дедом Юрой. Дед все время молчит. Опирается на трость даже за столом, потому что рука сильно дрожит без трости. Сколько ему лет? Пятьсот? Кожа на лице стала уже плотной, желтой. В глазах туман времен. Домашние ему помогали мыться. Набрызгали ландышевыми духами. Надели пиджак, жилет, рубашку, майку. Жилет с мохером, дед мерзнет. Дед молчит и роняет слезы – то ли от горя, то ли от старости, то ли от стыда.

Бабу Варю пришлось усадить на две табуретки. Их связали даже и положили подушку сверху. Варвара сама распорядилась о таком троне. Она в свои 87 лет полна сил. И аппетит хороший. Несмотря на скорбный повод встречи, шутит.

– Собралась я в автобусный тур по Северной Европе. Сын купил мне путевку. Но, представляете, меня не хотели сажать в автобус. Старая вы слишком, говорят, Варвара Викторовна. А я им: да кто вам такую чушь в голову вбил? Я еще помирать не собираюсь. Подписала бумажки какие-то, и взяли меня. Стокгольм смотреть.

– Мои мама и папа тоже могли бы смотреть Стокгольм, если бы не их убийцы, – врезала Катя. И градус общей беседы снова упал.

– Мариночка была такой веселой, легкой девочкой. Как перышко порхала. Приезжала к нам в гости когда, мы ей платки давали разные: крепдешиновые, капроновые, газовые с люрексом. Она их привязывала к рукам и бабочку изображала, бабочку-балерину, – моментально переключилась Варвара Викторовна.

– А когда Андрея к нам привела знакомиться, – внезапно проснулся дед, – я так и сказал ей: это твоя судьба. А его отвел в сторонку, говорю, пойдем покурим, как мужики. Он еще папиросу не брал, модничал, отказывался, не курю, говорит. Так я ему сунул папиросу-то прям в рот. И пока он ее держал, сказал ему прямо: обидишь Маринку нашу – убью тебя. Понял? «Понял, – говорит, – понял», – и как начал кашлять. Аллергия у него, что ли, на папиросы была...

И случаи все вспоминались какие-то дурацкие, мелкие. Несоразмерные событию, что ли. Мелочь, пшик.

– А как уж девчонок они своих любили. Боготворили оба. И соляные пещеры им, и музыкальная школа, и лагерь в Крыму выбивали. И клюкву для них Андрей перетирал с сахаром, чтобы витамины были. Всегда о дочках своих беспокоились. В институты устроили. Катю замуж выдали. А Машу вот не успели, – тетя Лена опять залилась слезами.

– Эх, жаль, такие молодые ушли, – кто-то из-за стола сказал.

– Да, до шестидесяти лет не дожили. А я вот дожила и сестру похоронила.

– Андрею же было шестьдесят вроде бы. Он же пятьдесят седьмого года.

– Да декабрьский он. Чуть-чуть до шестидесяти не дожил.

Вспоминали молодость, как встретились Андрей и Марина. Андрей напорист был, под окнами дежурил. А красивый какой! Марина его даже боялась. А он вычислил, в каком окне свет зажегся, когда проводил ее, и пришел с родителями знакомиться. Кефир принес и торт «Полено». Марина на первом курсе училась. Свадьбу сыграли быстро – Катя уже торопилась появиться на свет, живот не хотели показывать в платье свадебном. Восемнадцать исполнилось – и сыграли. По тем временам все проще было. Плясали во дворе. Стола два было – для домашних и для соседей. Отец Марины, Лев, ходил по подъездам, наливал всем: дочка замуж выходит. Умер он быстро, не дождался внуков. Цирроз.

Как на квартиру копили, вспоминали. У родственников занимали. Марина в аспирантуру пошла. Преподавать выходила на полставки. Потом стенку домой купили. Кате собаку, английского сеттера Тобика.

Серебряную свадьбу хотели отметить, но что-то суета на работе закрутила, так и не стали. Простые истории.

А потом посыпались разные семейные тайны. Про бабушек-прабабушек-теток, у которых дети были не только от законных мужей, но от цыган или партийных работников. Партийные работники в давние времена были люди влиятельные, доступ к продовольственным распределениям имели. Прадед Дима, говорят, еще две семьи имел, но связь утрачена. А Алексей Лазаревич закопал свое золото по дороге в Москву, и не найти теперь. А золота было много.

А прабабка Виолетта рассказывала, как они мел перетирали в муку всей семьей ночью. Чтобы вместо мешка с мукой отдать на продразверстку мешок с мелом – иначе не выжить.

А у деда Лазаря был кожаный плащ, весь истыканный ножами. Он в МУРе работал, бандитов ловил.

Истории родственников сплетались и перепутывались в один клубок. Разные поколения дедов и бабушек, причудливые судьбы. Катя несколько раз пыталась навести порядок в семейных воспоминаниях, даже записывала где-то, но все эти упорядочивания не держались в памяти и опять перемешивались. Жизни предков превращались в легенды, семейные предания, и уже не важно было, кто их главный герой, главное, что все это – прошлое их рода. Та правда, из которой выросли они, две сестры – Катя и Маша.

Наивные и страшные факты иногда обрастали смягчающими байками – наверное, чтобы не сойти с ума. Прожить невыносимую тяжесть бытия.

Например, считалось, что Иван Антипыч, тот, который враг народа, не умер в Рыбинской тюрьме, а бежал. Говорят, в Америку. Так его жене товарищи сказали. И всем было понятно, насколько фантастична версия, но ее передавали через поколения. И теперь уже сын Кати, Артем, носил это знание и хвастал перед школьными товарищами: мол, есть американцы в их роду.

А еще обязательно вспоминали про ссыльных литовцев в Сибири, сколько их там померзло тогда. К бабке Виолетте дети прибежали домой погреться. Ноги босые, обмерзшие. Она из телогрейки им какие-то носки смастерит, нацепит на ножки. Накормит, они обратно убегают к мамке в барак ночевать. Жалко невозможно их было, но ничего не сделаешь. Когда Виолетта была жива, все время на этом воспоминании рыдать начинала. Проклинала Сталина. А потом уже ее внушки вспоминали рассказ тот и тоже плакали.

Как Варвара Викторовна брата своего старшего на саночках хоронить везла. Ему тринадцать, ей одиннадцать всего было. Воспаление легких. Мать отболела, а Николай не справился. И решила она тогда, по дороге той зимней идя, стать врачом во что бы то ни стало. И ведь стала!

В памяти Кати и Маши истории хранились сюжетами, легендами. Запоминалось, что происходило, но с кем именно это происходило, путалось или вовсе забывалось. А важно ли, с кем именно – с какой теткой или дедом? Все же свои, значит, история принадлежит роду. Хоть так запомнить. И, кто знает, возможно, до ушей Кати и Маши истории уже дошли с некоторыми

искажениями, как и они потом будут пересказывать не слово в слово. Одни детали отпадают, другие обрастают подробностями. Точность факта уже вызывает вопросы.

А что было скрыто? Сколько тайн, не поведанных никому, покоится в могилах? Наверное, самых страшных, самых стыдных, самых опасных тайн. Так, бабушка Андрея Петровича до смерти молчала, не говорила, какого она рода, и о детстве своем не рассказывала. Боялась. В каждой комнате у нее висел портрет Сталина как оберег – чтобы семью ее не тронули. Почти до двухтысячных годов довисел, но все знали, что Сталина она люто ненавидела, но тайком.

А бабушка по матери рассказала за месяц до смерти, что была замужем еще до деда, до Льва. И пришлось ей мужа обмануть, того, первого, и поддельные документы сделать на другую фамилию. И не только документы, но еще и аборт на сроке позднем, уже месяцев шесть было. И вот перед смертью к ней этот мальчик стал приходить. Она его в постель к себе клала и не разрешала эту часть кровати трогать, чтобы младенца случайно не задела.

Эх, было всякое: и болезни, и лишения. Смерти, смерти, смерти. Но род выжил. Есть куда продолжаться. И умирать кому еще есть.

Потом беседы переросли во что-то повседневное. Зарплаты, планы, политическая обстановка, школы, санатории, консервирование, лекарства от рака. Вынесли пироги, конфеты и чай. Гости начали разъезжаться.

И под конец:

– Что же мы так редко видимся-то? Родня же. Вон все какие самостоятельные. А давайте летом поедem все вместе в Геленджик? Помните, мы ездили раньше, в частный сектор. Нина, Катя, помните же? Вы малые были еще совсем. Нет? А мы ездили? Или к Николаю нашему в Новосибирск нагрянем? Гостиницу возьмем. Будем там достопримечательности смотреть.

– На похороны, может, и приедем. А так дорого очень, – включилась в беседу Лида.

Люди расходятся, надевают свои хмурые одежды. У них такие чужие лица, такие родные лица.

«Вот они – лица моего рода. Моя история. Кровь моих родителей и моя кровь», – думала Маша.

«Неужели они тоже безразличны к судьбе моих родителей? Никто из них не готов наказать убийщ», – думала Катя.

И теперь ко всем бесконечным историям рода добавится еще одна – про Марину Львовну и Андрея Петровича, которые ехали из загородного дома в Москву и по дороге перевернулись. Новую дорогу проложили: асфальт высокий, ровный. В темноте не вписались в поворот. Вылетели в канаву. Не могли сами выбраться из кабины, как-то их там прижало сильно. Сколько они там пробыли? Час, два. Дорога местного значения, проселочная. Машин мало, освещения нет. Может, и проезжал кто, но не видели машину в канаве. А может, и видели, но не остановились, мало ли что. Нашел их сосед. Вызвал помощь. Попытался вытащить. Андрей уже без сознания был, а Марина даже отвечала что-то. «Скорая» приехала через полтора часа: ехать далеко, другие вызовы. Область – не Москва: машин, врачей, больниц – всего не хватает. Пока разбирались, куда доставить, Андрей умер на месте. А Марина в больнице уже скончалась от полученных травм.

Поговаривают, что могли и спасти. Если бы в Москве. Если бы сразу «Скорая», если бы операции в Склифе, говорят, выжили бы. Андрею бы руку ампутировали, но все остальное можно было бы подлатать. А тут вон оно как сложилось.

После поминок

Последними уходили Катя с мужем. Помогали убрать после гостей. В дверях Олег крепко обнял Машу.

– Держись, девочка, мы тебя не оставим, – зачем-то сказал он на ухо Маше. Его дыхание обожгло ухо. То ли объятия были слишком крепкими, то ли дыхание слишком горячим, но Маше подурнело.

– Отцепись ты от нее, задушишь еще, – Катя раздраженно дернула Олега за ворот пальто, как огромного пса. Олег взял Катю за руку.

– Нам надо во всем разобраться, расставить точки над «і», – сказала Катя, – я составлю план, создам группу и вас приглашу. Мы будем бороться. Соберись, Маша.

Ушли. Маша повернула ключи в замке, прошла в гостиную. Села на диван. На пианино за стаканами с водкой стоял портрет родителей в траурной рамке. В окне светила точка над «і». Неровная, бледная, но почти круглая. Холодно и немного зловеще.

За стеной заплакал ребенок. Звукоизоляция в наших домах ни к черту.

Память выдавала обрывки воспоминаний. Поход в Кремль, в музей костюмов. Катя разглядывала наряды цариц и распределяла, у кого какой костюм будет. А у Маши начинало болеть ухо, но она терпела. А ночью мама дышала на подушку, чтобы дочкиному ушку было полегче. Ухо Маши впитывало мамино тепло. Катя тогда злилась слезам сестры, считала, что Маша притворяется. У Кати уши никогда не болели.

Вспомнилось, как Маша въезжала в эту квартиру. Родители подарили ей хрустальные бокалы, несколько коробок. Отец стоял в стороне, а мама желала всякой чепухи.

Маша уже почти десять лет жила отдельно. Через год ей будет тридцать, и дому тоже будет тридцать.

Маша вспоминала прошлую неделю, как поссорилась с Денисом и думала, что это самое большое для нее горе. Потом позвонила Катя. Ночью. Сказала, что мама в реанимации в областной больнице, а отец погиб. Как она сползла на пол, будто ее потянули за нитки, будто она марионетка и кукловод отшвырнул ее в угол. А дальше тишина. Глухая, густая. Тишина снаружи и внутри. Она вдруг стала куклой, набитой ватой, а голова превратилась в деревянную, как у Буратино. И вокруг была тоже вата, становилась все плотнее и плотнее. Маша не поверила тогда. Отказывалась верить. Катя что-то кричала в трубку. Что-то про «надо ехать», «вертолет», «перевод в другую больницу».

Денис везти отказался – они же в ссоре. Она же не оправдала его надежд, разрушила его жизнь, хорошо, что у них нет детей, и вся прочая чепуха.

Взяла такси, Катя ее подхватила у МКАД. В дороге говорили о случившемся. Подбадривали друг друга, что все обойдется. Искали больницу долго. Ночь. Пускать не хотели. А дальше Маша плохо помнит. Морг, оформление документов. Катя включилась быстро, а Маша подтормаживала. Выбирали гробы. Одежду. Посмотреть на родителей Маша не смогла. Или смогла? Те дни так и были прожиты в густой вате. Как будто кто-то колот ей анестезию, заморозку. Маше поручили оповещать родственников и коллег. Некоторым она звонила по два-три раза. Забывала.

Единственное, что она явно помнила, – это последний свой разговор с мамой.

И сейчас он снова включился в ее голове:

– Алло, мама, привет.

– Машенька, девочка моя! – всхлипывания.

– Что случилось, мама? Ты плачешь?

– Машенька, прости меня, я не знала! Клянусь богом! Не знала!

– Что не знала, мама?

- Что же ты мне не сказала, девочка. Мы бы все исправили. Я бы... – рыдания.
- Мама, что случилось?!
- Мы выезжаем в Москву, он со мной. Я его положила в сумку.
- Что положила? Мама? Что в сумку?
- Дневник твой. Я люблю тебя.

И все. Этот диалог включался в голове Маши снова и снова, словно записанный на автоответчик.

И опять:

- Алло, мама, привет.

...

- Машенька, прости меня, я не знала! Клянусь богом! Не знала!

...

- И я тебя люблю, – отвечала Маша уже в выключенный телефон.

Темное, ледяное всплывало в памяти. Та самая «i», над которой надо поставить точку. Маша пыталась прогнать ее, выбросить за границы сознания, утопить в глубине, заковать, уничтожить. Но теперь, кажется, оно опять вернулось. Высвободилось. И это было страшнее всего, даже страшнее смерти.

* * *

Катя и Олег отпустили бебиситтера, Артем, их сын, уже спал. Десять лет, впечатлительный мальчик, решили его не брать с собой. Он и не рвался.

Когда теряешь близких, да еще так внезапно, невозможно это понять. Почувствовать. Смерть подходит слишком быстро и слишком близко, чтобы успеть среагировать. Оглушает. Ставит перед фактом. Фактом утраты, фактом твоего бессилия. Ты закрываешь глаза, а факты уже забрались под веки и стоят перед зрачком. Ты выплакиваешь их, будто сор из глаз, но они от слез становятся только ярче. Вот были живые родные люди – и раз, и нет их. А внутри тебя они все равно же есть. Продолжают быть. Ваши споры с ними внутренние продолжаются, недовольство друг другом, запросы или любовь. А их нет уже. Все. Но внутри-то есть. И то, что там, внутри, к ним раньше было настоящим, теперь стало прошлым. Невозможно вынести это.

И слова доброжелателей хреновых «держись», «мужайся», «надо жить дальше», «у тебя же дети», «ничего, все там будем» – все это просто хочется выbleвать из своих ушей. Выключить этот хор голосов, сопутствующих горю. Потому что все ложь – и слова эти, и сама смерть. И ты ложь. И жизнь – сплошная ложь. Вранье! Неправда! Сон! Надо всего лишь проснуться. Проснуться в другую жизнь, где не будет лжи. Где не будет смерти.

А пока во сне приходится надевать доспехи и собираться в очередной крестовый поход. За правду. Кате иногда казалось, что она и не женщина вовсе, а пилигрим-крестоносец – мимо ристалищ, капищ, с глазами, полными заката. А мир остается прежним. Мысленно она уже наказывала виновных. Варианты наказания слайдами мелькали друг за другом.

Олег повернулся и обнял ее своей огромной рукой там, где заканчиваются ребра. Его живот уперся в поясницу. Он дышал ей в ухо, как огромный кит. Катя была уверена, что киты дышат именно так – медленно, и из-за них в океане волны.

Рука Олега так же медленно, как волна, сползала вниз живота и потом поднималась к груди. Не спеша. Не ускоряясь, не замедляясь – так бы гладили киты, если бы у них были руки. И тут вместо яростного желания возмездия Катю настигла другая ярость – ярость жизни. Жажда ее, будто бы она и не пила уже давно жизни. Будто бы тело само решило опротестовать время, проскользнуть в бесконечность. Дыхание стало тяжелым, глубоким. Она ныряла в океан к киту. Олег почувствовал это, рука изменила амплитуду. Губы целовали шею. Его волны уносили ее все дальше и дальше. В тот самый не-сон, где есть только жизнь. Катя повернулась

на спину, муж раздавил ее своим весом. А она продолжала плыть, укрытая мощным китом где-то глубоко-глубоко в океане, ухватившись за плотные плечи. Ногти впивались в толстую кожу сильнее и сильнее, пока не случился взрыв. Олег шутил как-то, что с каждым оргазмом рождается новая вселенная.

А потом в душе, когда Катя вымывала из себя новую вселенную, стало немного стыдно. Как же так? В такой день неподходящий. Зачем же? С этими мыслями и уснула.

Утро

А утром на кухне нагадили котики. Только этого не хватало! Скорбишь, и вдруг какие-то бездомные котята, подобранные в благородном порыве, возвращают тебя на землю. Выгребать дерьмо. Два котенка жались в угол и друг в друга. Одного Катя успела отдать, а эти еще были на передержке. Котята уличные, с лямблиями в кишках – простейшие, которые прикрепляются к стенкам кишечника и мешают его работе. Поэтому пища не усваивается, а лежит недопереваренная по всей кухне, включая подоконник и стулья. Олег матерился и убирал. Катя охала. Артема на кухню не пускали. Доместос, перчатки, салфетки из нетканого волокна.

– Может, выбросить их на улицу? Или давай я им бошки отверну. Вонючка какая.

Катя понимала, что Олег ничего этим тщедушным зверям не отвернет, потому что не сможет – слишком добрый. Вымыли пол. Насыпали корма. Побрызгали специальным средством «Отучение гадить». Да, так и называется. Чего только не придумают. Спрей вонял чем-то ужасным, похуже экскрементов, и не помогал, судя по результатам, но надо же было делать хоть что-то. Лямблии, несмотря на лечение, пока побеждали.

Начинался обычный день, как бы намекали лямблии. Жизнь продолжается. Суббота. Олег и Артем собирались на хоккей – субботнее мужское дело. Артем ходил четвертый год в секцию.

Катя села составлять план.

1. Врачи «Скорой помощи». Найти ошибки.
2. Следователь. Добиться повторного возбуждения дела.
3. Врачи в больнице. Составить заявление.
4. Сосед. Куда обратиться?
5. Дорожная служба. Узнать, кто делал ремонт.
6. Суд.
7. Петиции.
8. Наследство.
9. Выплаты.
10. Фото на памятник. И памятник через год.

Катя вспомнила, как в последний раз приезжала к родителям в гости на выходные. Артем слушал старые детские пластинки «Голубой щенок», «Золотая антилопа» и «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями». Просил всех называть его Нильсом. Мама закрывала банки. Порывалась научить Катю новому очень удачному рецепту, но Кате, как обычно, было не до рецептов. Теперь уже не расскажет. Отец сидел с книгой на диване. У него неважно было с сердцем – пил горстями таблетки, ворчал. Все собирался в санаторий и постоянно откладывал поездку. Они, родители Кати, были такие незащитные – без брони, без панциря. Из сегодняшнего дня это вдруг стало особенно заметно.

В тот раз они спорили с Катей о политике. Катя склоняла их занять крайне либеральную позицию, но родители никак не соглашались. Они были за державу, за государство, за порядок, а ультралиберальные взгляды старшей дочери их пугали.

– Страна разваливается! – почти кричала Катя.

– Не разваливается. Тебе заморочили голову. Ты креативный класс, тебе легко навешать лапши. Страна встала с колен, но миру это не выгодно, вот и начинают против нас заварушки, – говорила мама фразами из телевизора.

– Мы преодолеем все трудности, надо преодолеть, мы сильная нация, – говорил отец.

Катя вдруг поняла, что снова пытается вызвать родителей на спор, подыскивая новые и новые аргументы. Лишь бы подобрать нужные слова, и они перейдут на правильную сторону.

Но уже некому переходить. Она навсегда не успела их переубедить.

Вспомнила, как в последний раз обнимала родителей. Живых. Мягкая спина мамы, обнимаемая которую всегда себя чувствуешь немножко ребенком. Молодой девчонкой, у которой впереди вся жизнь. Скупые объятия отца – объятия настоящего мужчины. Отец с дочерьми был подчеркнуто сух. Обнимался быстро, механически, отстраненно, а потом похлопывал по плечу – его любимый жест. И в само похлопывание будто вкладывал душевность. Мол, я с тобой, все путем.

Знать бы, что это последние их выходные, что больше таких никогда не прожить. А что бы сделала Катя, будь ей это известно? Плакала бы у мамы на коленях? Искала бы способ предотвратить, защитить? А если бы родители знали, то что бы сделали они? Какие дурацкие мысли. Их надо гнать! Гнать от себя. Все это пустое. Копаться в прошлом сейчас неуместно. Есть более важное дело.

Катя вернулась к плану.

Итак, врачи «Скорой». Приехали на место аварии слишком поздно. Возможно, они не оказали необходимую помощь пострадавшим. Может быть, их машина была недостаточно укомплектована реанимационным оборудованием. Кто за это ответит? Как узнать имена этих врачей?

Дыра в спине

– У тебя тоже дыра внутри?

– Что?

– У меня как будто дыра в спине.

– Маша, ты пугаешь меня.

– У тебя нет дыры?

– Нет, я просто скорблю.

– У тебя получается плакать? У меня не получается почему-то. Как ты думаешь, это очень плохо? Ведь я любила маму и отца, а плакать не могу.

– Опять ты все про себя, – Катя вела машину довольно нервно, часто сигналила и обругивала водителей: «Где твои глаза? Где мозги твои, лопух? Все пропил, что ли?!»

– Сегодня мне приснилась мама. Она пришла ко мне и была вся будто без кожи, красная-красная. Хотела сказать что-то, но рот у нее никак не закроется, только стон слышен.

– Маша, прекрати. Я тоже живой человек, мне неприятно это все слышать. Она же и моя мать. Я переживаю не меньше твоего, но я стараюсь что-то делать. Понимаешь, что-то исправить в этой чертовой жизни!

– Как? Я бы тоже хотела все исправить... Я бы хотела, чтобы мне не снилась мама вот так, чтобы она была жива. Но как? Как это исправить, Катя?!

Катя не отвечала. Дорога молча вела их вперед. Они ехали по той самой проселочной дороге, где все и случилось. Попутно искали, где же то самое место. Где больше примята трава? Вся трава была примятой, ржавой. Трава уже сдалась и не боролась за жизнь. Любой поворот казался этим самым местом. Дорога извивалась. Двадцать мест, где могло это случиться, Маша зачем-то считала.

Машину родителей сотрудники отдела полиции по дорожно-транспортным происшествиям эвакуировали на спецстоянку. Восстановлению не подлежит, тотал – под списание. Личные вещи можно забрать у следователя.

Подъехали к дому родителей. Когда-то давно это была типовая дача 6 х 6 метров, постепенно она разрасталась, будто была живым существом. В семье шутили, что это не дом, а гриб. Укрепили фундамент, утеплили, пристроили две комнаты, сделали большую террасу на первом этаже и балкон на втором. Удача иметь участок такого внушительного размера и недалеко от Москвы. Мама к дому относилась как еще к одному своему детищу, любимому домашнему животному, хотя и звучало это странно: домашнее животное – дом. Марина Львовна с азартом выискивала разные подушечки, крючки, кружки и прочую домашнюю утварь, которая подходила бы ее любимцу. В последнее время ее увлекал «немецкий стиль» – клетчатые шторы и скатерти. Грубый разноцветный фаянс. Хлопковые покрывала. Она даже купила себе видеоуроки по декорированию и рукоделию. Весь дом был увешан картинами и картинками: репродукции, какие-то «милые» вещички с вернисажа и рисунки дочек. Катя рисовала в основном вазы с цветами, а Маша портреты – ужасно смешные, выведенные детской неокрепшей рукой, с размазанными акварельными ресницами. Автопортреты, портрет сестры, отца и матери. У отца получились ярко-красные глаза. И всю семью это ужасно смешило.

Родители переехали в дом насовсем с весны. Квартиру в городе сдали. На работу ездили из пригорода. Дольше, конечно, получалось – почти два часа в один конец на машине и час сорок со станции. Говорили, что дорога для них не в тягость, наоборот, очень важное время – подумать, почитать, послушать музыку. Андрей Петрович слушал записи выступлений с научных конференций и аудиокниги. Марина Львовна предпочитала читать бумажные, никак не могла перейти на электронные. Все эти подробности вдруг стали важными, весомыми. Сколько раз за свою жизнь Катя это еще вспомнит?

О чем они думали в своем последнем путешествии? Что звучало в машине, музыка или какая-то аудиокнига? Позднее дочери узнают, что в машине была флешка с «Философией одного переулка» Пятигорского. Но слушали ли они ее? Или была музыка? Продолжала ли она играть после того, как автомобиль перевернулся?

Катя открыла дверь. Несколько дней дом не топили. На пороге валялись тапочки – высокие тапки-валеночки мамы и отцовские тапки из меха. Катя надела тапочки мамы и пошла разбираться, как включить котел.

Андрей Петрович летом провел в доме отопление и страшно гордился современной системой обогрева, которая совмещала разные способы: газ, электричество и дрова – любым на выбор средством можно растопить котел.

«Мы же не для себя – для вас стараемся, чтобы вам тут было удобно. Чтобы мы все собирались за большим семейным столом», – Марина Львовна говорила это, почему-то немного оправдываясь. Будто жить только лишь для себя неправильно.

Маша переступила через порог. И почувствовала запах. Удивительно: дом изменился почти до неузнаваемости, но запах остался тем же, что и двадцать лет назад, когда это была просто дача. Запах пробуждает воспоминания, у него самый короткий путь к нашим банкам памяти. Маша сделала несколько шагов и застыла.

Где-то внутри огромного разросшегося дома стоял тот самый первый летний домик, его переоборудовали в гостевую и чулан для хранения всевозможных запасов. И запаха. Пример того, как устаревшее, прошлое успешно встраивается в настоящее.

Все в доме говорило о желании праздного дворянского отдыха. Мечта родителей – жить на природе, занимаясь любимыми делами, читать книжки, слушать музыку, есть любимую еду, греться на солнце летом или у печки зимой. Они частенько говорили о том, как будут принимать друзей и приучать их к барской жизни. Как дом со временем наполнится взрослеющими внуками и правнуками. Идиллия.

Дочери навещали в «имение» нечасто. Родители не настаивали. Катя изредка приезжала, привозила Артема погостить. Маша же дом избегала. Обычно у нее находились неотложные дела или случалось недомогание, мешающее приезду. И сейчас Маше захотелось уйти, убежать через калитку далеко в лес, как тогда к ручью, где в холодной воде успокаивала окрапивленные ноги.

– Где же эта коробка? – Катя металась по дому. Открывала шкафы, ящики, тумбочки.

Нужна была коробка с документами. Вся эта волокита с наследством – лучше не откладывать, потом еще тяжелее будет.

Маша подключилась к поискам. Первым делом осмотрела коридор. Не лежит ли что-то на комодике около входа. Внутри комода. Куча реклам, листов, платочков и прочего хлама. В гостиной на столе и диванах тоже не было. В спальне у мамы (родители спали в разных комнатах) – тоже ничего. Катя тем временем отправилась в дачную библиотеку. Сюда свозили все книги, освобождая место на городских полках для новых. Здесь были ставшие ненужными словари: толковые, философские, иностранных слов. Тут были подборки «Нового мира» и «Дружбы народов», Катя в детстве называла их скучными книгами – все одинаковые, бледные, с блеклыми мелкими буквами на вытянутых листах. Нижние полки стеллажей были закрыты дверцами, там лежали коробки с разными бумагами. Доклады, отчеты, школьные тетради и дневники Кати и Маши. Где же эта коробка? Катя помнила, что мама хранила документы в жестяной коробке из-под печенья «Москва». В библиотеке ничего не нашлось.

Коробка лежала в спальне у отца, в шкафу на верхней полке. Никакой логики, почему именно там. На полке соседствовали сундучки со старой бижутерией, клатчи, ненужные подарки – свечи, запонки, нераспакованные подарочные полотенца, перевязанные ленточками.

– Маша, я нашла! – крикнула Катя, взяла коробку и спустилась на кухню. – Вытри со стола, чтобы не запачкались документы.

Маша послушно взяла тряпку. Она была самой послушной в их семье. Самой покладистой, тихой, даже вялой.

В раковине лежала немытая посуда. На столе крошки и разлитый компот – смородиновый, наверное. Маша смотрела, как след от компота исчезает, впитываясь в тряпку.

– Так, нужно найти документы на дом и квартиру. Как же они выглядят? – бормотала Катя, доставая бумажки одну за другой.

В коробке все лежало вперемешку: свидетельства о рождении родителей, их аттестаты, дипломы – толстые синяя и красная корки, какие-то справки, документы на машину, медицинские книжки из поликлиники, полисы ОМС, справка о погашенном кредите, что-то еще. Какие-то старые фотографии в целлофановом пакете, который от старости стал будто бы чуть-чуть маслянистым. Катя решила смотреть с конца стопки бумаг.

– Что это? – Катя взяла в руки небольшой бледно-зеленый потрепанный листок бумаги. Маша увидела, как лицо Кати вытягивается, становясь все более овальным. Катя медленно повернула листок. – Свидетельство об у-сы-но-вле-ни...

Катя проговаривала последнее слово медленно, оно почти растворилось в воздухе.

Маша потянулась к листку и попробовала его прочесть.

Гражданин(ка) Любовь Владимировна Морозова, родившаяся 16 февраля 1989 года.

Место рождения – Москва

Усыновлен (удочерена)

гражданином Грибановым Андреем Петровичем

и гражданкой Грибановой Мариной Львовной

с присвоением ему (ей)

фамилии Грибанова

имени Мария

отчества Андреевна

О чем в книге регистрации актов об усыновлении (удочерении) 1989 года апреля месяца 3 числа произведена запись № 4.

....

Сестры глядели друг на друга глазами, полными ужаса и недоумения. Память яростно отматывала назад время. Катя отчетливо помнила, что мама ходила беременной. У нее сильно отекали ноги. Было высокое давление, ей постоянно было жарко. Катя несколько раз видела живот, который рос. Ее, восьмилетнюю девочку, тогда это ужасало, но при этом сквозь ужас она испытывала благоговение перед чудом. Она вспомнила, как мама, уже на большом сроке, подняла майку и предложила положить руку на живот, пообщаться с младшим братиком или сестренкой. И Катя с трудно преодолемым, но все-таки преодолемым страхом положила руку на бледный округлый живот и почувствовала, как что-то шевелится под кожей. На животе уже появились растяжки, несколько веноч у пупка проступали синим. Мама же была беременна, совершенно точно! При чем же тут свидетельство об усыновлении? Катя провалилась в более раннее воспоминание, когда у мамы еще не было живота. И она, Катя, пела песню «У меня сестренки нет, у меня братишки нет. Говорят, с детьми хлопот неупрочет!». Она помнила, как выклянчивала себе братишку или сестренку, потому что у всех есть, а у нее нет. Как радовалась, когда родители, неестественно румяные, сказали ей, что скоро в их семье появится еще один человек. Как они пошли в гастроном, где на втором этаже делали молочные коктейли, и купили себе три самых больших коктейля. На дворе стояло жаркое лето. Кате как раз купили новые красивые белые гольфы с рюшами, и папа шутил, что придется делиться новыми гольфами с сестренкой или братишке отдать свой конструктор. И Кате очень хотелось братишку, но не хотелось отдавать свои новые гольфы и конструктор. Вот зачем в такие важные воспоминания обязательно влезают ненужные и необязательные детали, например гольфы? Почему бы не

запомнить что-нибудь более важное: дату, улыбку мамы, свои собственные чувства? Почему вместо этого просто гольфы?

За окном пошел дождь со снегом. Круглые шарики – не дождевики и не снежинки – падали на желтую траву и пустые растерзанные грядки.

Маша чувствовала, как эти шарики сыплются в нее, будто она была полым сосудом, кувшином, выброшенным на улицу. Как они залетают в дыру в спине. Как внутри становится все больше стужи. Значит, она не из этой семьи. Значит, она чужая. Не родная. Ее приютили. Почему же не сказали? Почему утаили? Маша почувствовала, что ее мутит. Она выбежала во двор, где ее и стошнило. Слишком много новостей. Слишком много всего поднимается к кромке реальности. Чересчур многое, чему следовало таиться на дне забвения, врывается в сегодняшний день. Маша присела на крыльцо. Она была уже не Машей, а дырявым безымянным кувшином.

Катя вышла за Машей. Вернулась в дом, взяла две дачные куртки, одну набросила на себя, а другой укутала Машу. Так и сидели они на крыльце родительского дома – два птенчика, в гнездо к которым уже никогда не прилетят взрослые умные птицы. Катя обнимала Машу, потому что мы в ответе за тех, кого приручили. И внезапно эта затасканная фраза приобрела еще один неприятный смысл.

Тайны под шубой

Живешь себе спокойно в обычной семье: родители, сестра, школа, институт. Летом дача. И все у вас благополучно, скучнополучно даже. Жизнь похожа на селедку под шубой. Слои овощей, майонез вкуснющий, домашний (по семейному рецепту), свекла тертая, селедка на дне, а сверху желток. Все как у всех. И ты даже не подозреваешь, что под ровными традиционными слоями спрятана семейная тайна. Что в майонез примешаны измельченные кости скелета. И ты сам не обычный человек, а воплощение страшной семейной тайны. Интересно, есть хоть одна семья в мире без скелета?

Нельзя сказать, что Катя и Маша жили душа в душу или неразлейвода. Не душа в душу. Разлей вода. Есть огромная разница между младшей сестрой из воображения и реальной младшей сестрой. Младшая сестра, если вы не знали, это ужас-ужас. Особенно если она младше на восемь лет. Особенно если ты ее просила и пела родителям песенку «У меня сестренки нет», а потом она у тебя появилась. Катя чувствовала себя так, будто это она произвела сестру на свет своими просьбами и шантажом. Детская психика предельно эгоцентрична.

Мама носила тяжело. Несколько раз ложилась на сохранение. С самого начала все было нелегко с этой беременностью. Катя уже тогда виноватила себя. Рисовала маме вазы с пионами и ромашками. Она верила, что чем больше нарисует картину, тем лучше будет маме. Малышка родилась раньше срока – тридцать вторая неделя. Долго была в реанимации – несколько месяцев. Мама ездила к ней, как на работу, каждый день. Была зима. Новый год встретили вот так – втроем реально, но вчетвером. А в конце апреля Машу привезли в дом. Катя смотрела на красного крошечного ребенка. С малюсенькими сморщенными ручками и пяточками, на которых тоже были складки, будто пятаки малышей производят из кальки. Но Катя радовалась, в недрах эмоций она откопала радость и радовалась как могла. Ведь если есть сестра – надо радоваться, это же любовь и все такое хорошее. Катя старалась радоваться изо всех своих детских сил.

Вскоре началось непредсказуемое. Для Кати непредсказуемое, а для взрослых вроде бы известное, но они об этом не предупреждали – что будет вот так. Маша орала. Она плакала днем, плакала ночью. Она срыгивала постоянно. И что-то не так у нее было по неврологии. Родители возили ее в больницу показывать разным профессорам. Маша стала центром семейного напряжения. Главным божком. Жизнь которого постоянно была под угрозой.

Катя слышала, как мама кому-то из подруг, плача, рассказывала по телефону, что Маша чуть не умерла в кровати. Просто перестала дышать. Мама схватила ее всю синюю и начала трясти. И только тогда Маша задышала.

С младшей сестрой совершенно не о чем было говорить. Она вообще не говорила долго. И пошла поздно. Катя по-прежнему рисовала вазы с цветами – ими были увешаны все стены, оклеен туалет, две картины висели на стеклянной двери в кухню. Но Катя, увы, уже навсегда была изгнана из детского рая, она превратилась в семейную тень.

Маша, Маша, Маша. Машенька, малышка. «Смотри, как она улыбается. Смотри, как она машет ручкой. Смотри, она пытается ползти. Маша никак не садится, уже восемь месяцев, Маша не садится, Маша не садится, Маша села!!!» Будто не о чем больше говорить. Все разговоры в семье вертелись вокруг Маши. «Маша – это наша победа! Маша перестала таращить глазки, у нее опять дрожит подбородок! Маша пытается идти! Смотрите, она сделала шаг!!! Целый шаг! Умница!» Кате велено было радоваться. Велено было становиться взрослой. Нет, она не страдала, уж точно не осознавала, что страдает. Ей надо было приспособливаться к новой реальности и учиться радоваться тому, чему положено. Принимать правила.

Иногда и ей перепало внимание. По вечерам отец затеял читать ей «Маленького принца». Он садился с Катей на диван, она прижималась к его подмышке, и они читали. Пол-

часа. Это были их великие полчаса. «Дети должны быть очень снисходительны к взрослым», – читал отец. И Катя старалась.

Внимание родителей утекало к Маше. Даже когда Катя заболела корью, она не стала главной, потому что все очень боялись, что Маша заразится. Катю с температурой отвезли к бабушке. Она неделю смотрела на старый бордовый ковер, на котором распускались цветы и рассказывали ей свои истории. Еще по коврику полз градусник, он извивался, как гусеница, и перебирал мелкими ворсинками. Когда болезнь миновала, Кате позволили вернуться в дом. Маша, слава богу, не заболела. Понимали ли родители тогда, что Кате их недоставало? Или им было совсем не до нее? Катя вертела свои детские воспоминания, как большой хрустальный шар. Сейчас, после стольких лет, ей казалось, что она тогда ощущала какую-то недосказанность, какое-то мрачное изменение в их семейном укладе, ошибочно полагая, что все из-за появления сестры. Что дети всегда вот так мрачно появляются. Но теперь понятно, что это было дыхание тайны. Запрятого за пазуху халата материнского горя, которое нельзя показывать. И родители порой избегали Кати, чтобы она не разглядела их черную тоску. Маша стала для всех одновременно и выходом из горя, и его источником, откуда оно сочилось мертвой водой.

Выяснилось, что мама тогда потеряла ребенка. Недоношенная девочка родилась с серьезными пороками. Гематомы, кисты, позже присоединилась инфекция – то ли катетер в слабую венку неправильно поставили, то ли пневмония новорожденных развилась, то ли все это сразу. Девочка прожила всего две недели. И умерла. Ушла как ангел, тихо улыбнувшись Марине.

– Все знают, что недоношенные дети не улыбаются. Но она улыбалась. Марина не стала бы придумывать, – тетя Лена рассказывала Кате, руки терзали клетчатый носовой платок.

Марина с Андреем никак не могли принять смерть малышки. Уже точно не сказать, у кого возникла идея усыновления. Марина не мыслила вернуться в дом одной. И для Андрея это было бы очень болезненное поражение. Начались поиски ребенка. Подключили связи. Все это время Марина имитировала, что ребенок в больнице. Андрей и Марина вцепились в мысль, что весь этот театр нужен для Кати: что хотя бы для нее не будет семейного горя. Они верили, что берегут ее, спасают. Через пару месяцев девочка нашлась. Связи решили все, время вообще было очень неровное, смутное.

– Отказница-мать – слишком молодая, школьница. Дочь чиновника из какого-то региона. Сибирь или Урал, уже не вспомнить. Залетела непонятно от кого. Родители привезли ее в Москву, она тут доносила. Родила, написала отказ и вернулась назад как новенькая, – продолжала тетя Лена. – Мы все убеждали себя, что делаем очень доброе, благородное дело.

– Девчонка назвала новорожденную Любовью. Наверное, любовь большая у нее была. Фамилию дали потому, что тогда отказников определяли сначала в Морозовскую. А врача, принимавшего роды, звали Владимиром – вот и набралось информации, – тетя Лена говорила, а слезы-то текли сами собой. – Но решили девочку переименовать, чтобы как-то от той истории отгородить, что ли. Назвали Машей. И никто про это не знал. Никто, кроме нас троих. Получилось все повернуть. И не узнали бы. Нам казалось, мы победили смерть... Если бы... Эээх...

– А что с тем ребенком? С той девочкой, которая умерла? – чуждым голосом спросила Катя.

– Кто ж знает, тогда проще относились к детям. Тазами в морг забирали. И дело с концом.

Зачем все эти события

«Дыши, Маша, дыши, ты должна дышать. Медленно, вдоооох, выыдых, вдооох, выдооох». Главное – длинный выдох. Выдох медленней вдоха. «Маша, ты можешь, ты справишься, это скоро очень пройдет. Вдоооох, задержка, выыодоооох. Вдооох, задержка, выдооох. Вдоооох, выдоооох. Так-так-так, что еще советуют врачи. Отвleckься, скоро все пройдет. Посчитать пуговицы на одежде». Маша нащупала пуговицы на рубашке. «Один, два, три, четыре, пять, шесть. Хорошо. Рукава еще есть, там две пуговицы. На кармашках? На кармашках нет. Вдооох, выдоооох». Медленно, шаг за шагом должно стать лучше. Можно еще позвонить, но кому? Первая мысль – позвонить маме. «Черт! Вдооох, выдоох. Что еще можно сделать? Отвleckься. Это просто приступ паники, это не опасно для здоровья, это скоро пройдет». Все тело Маши покрылось мурашками. «Повседневные дела, что у меня сейчас может быть за повседневное дело?»

Маша зашла в ванную комнату и начала закидывать белье в стиральную машину. Все подряд, светлое – с темным, носки с трусами, лифчики и джинсы. Запихнула все вместе. «Вдоох, выдооох». Чувство страха сковывало обручами, словно она была бочкой с вином или виски. Маша насыпала порошок. «Вдох. Выдох. Медленно. Скоро отпустит». Рукам стало холодно, Маша включила воду, грела руки. Вода текла. Разлей вода. Текла и текла, журчала, от мыла на поверхности ее появлялись блестящие маленькие пузырьки.

Отступило. Маша замоталась в плед. Заварила себе чай с лимоном и забралась с ногами в кресло. Панические атаки для нее не в новинку. Она помнит, как началась первая. Но предпочла бы забыть.

Зачем все эти события? Зачем оно непременно должно происходить? Неужели нельзя прожить просто так, без всего этого, спокойно? По заранее продуманной схеме, без форс-мажоров. Почему невозможно все проконтролировать? Вот, к примеру, Пелевин на чем выехал – что весь мир мы воображаем в своей голове, а в реальности ничего не существует. Не только на этом и далеко не он единственный, но, согласитесь, отличная же идея! Как здорово: выкидываешь из головы ненужное, вставляешь нужное путем медитаций или еще как-то, и все! Перфекто! Нет лишних фактов, нет ненужного прошлого. Нет никаких свидетельств об усыновлении (удочерении) и кучи всего разного тоже нет. А есть только что-то приятное. Что-то хорошее. Что-то, что ты желаешь себе.

И тут Маша задумалась: а чего же она желает себе? Лично себе – такой, какая уже получилась. Чего она хочет для себя на самом деле? Простая и внезапная мысль. Вопрос продолжал падать внутрь Маши. Она слышала, как он звякает о стены ее личной бездны и никак не достигнет дна.

Следователь

У государственных инстанций, как правило, депрессивный художник по интерьерам – только мрачные фильмы снимать. «Как они тут вообще работают?» – думала Катя, идя по коричневому коридору. Желтые лампы бледно освещали дорогу, а заодно и обшарпанные пластовые настенные панели под дерево и пыльный линолеум с рисунком паркета, как в «Эрмитаже». К дверям были привинчены номера, желтые на черном. Нужен 8-й кабинет. Катя постучала в дверь.

– Заходите. Здравствуйте! Вы по делу о ДТП в Санаторном проезде? Присаживайтесь.

Катя подвинула стул и села напротив следователя. Молодой мужчина крепкого сложения. Совсем молодой. Совсем смазливый. Больше похожий на актера или даже стриптизера. Катя удивилась этой мысли. Иногда мозг такое выдает, хорошо, что никто не слышит, кроме нее самой.

– Вы, как я понимаю, Екатерина Андреевна. Так?

– Да. Напомните, как вас зовут, пожалуйста.

– Максим Сергеевич Буров, – сказал мужчина и зачем-то вскинул брови. На фоне бледно-зеленой стены, увешанной разными благодарностями, постерами и календарями, он выглядел как персонаж из клипа 90-х годов.

В углу в пластиковом ведре на небольшой табуретке стоял цветок. Некрасивый. Бледные листья его были в раздумьях, то ли продолжать жить, то ли завянуть.

– Как продвигается дело?

– Екатерина Андреевна! – в произнесении ее имени Катя услышала легкую издевку или показалось? – По вашему случаю возбуждено уголовное дело. Так как ДТП повлекло за собой тяжкие телесные повреждения и смерть более одного лица. Мы провели осмотр места ДТП, собрали все данные. Получили заключения судмедэксперта.

– Вы определили виновных? Или подозреваемых?

– Единственным обвиняемым по этому делу проходит Андрей Грибанов, ваш отец, управлявший транспортным средством. Других обвиняемых быть не может.

– Как же так?! Как это возможно? А врачи, которые ехали больше часа?! А дорожные работники, которые положили асфальт, но обочину не засыпали гравием? А медицинские работники в больнице, которые не оказывали своевременную помощь? А свидетель, который вытаскивал из машины пострадавших, когда этого было делать нельзя? Они что – не виноваты?!

Катя вскипала от дикого возмущения. Она бурлила, как котел с маслом, пузырьки лопались на поверхности.

– Екатерина Андреевна, вы успокойтесь, – заговорил следователь, и губы его стали малиновыми, цвета переспевшей ягоды, – успокойтесь, прошу вас. В коридоре есть кулер, налейте себе воды. Я понимаю ваше возмущение. Вы потеряли близких. Но их уже не вернешь. Давайте разберемся, я вам помогу. Вы можете нанять адвоката и подать в суд на кого захотите. И суд будет разбираться. И, я уверен, разберется. И вот в чем он разберется. Дорожные службы действительно производят ремонт на этом участке дороги. О чем напоминают дорожные знаки, расставленные по участку. Дорожный знак действует до его отмены. В данном случае дорожный знак стоял где ему и положено. И отменяющий дорожный знак тоже стоял. Протяженность ремонта – семнадцать километров. ДТП случилось на том участке, где проводились работы. А это значит, что водитель должен был соблюдать осторожность. Так что дорожные работники тут ни при чем.

Сотрудники «Скорой помощи». На место происшествия приехали фельдшер, медбрат и водитель. Они преодолели порядка пятидесяти километров. В момент обращения бригаде

необходимо было посетить еще два вызова, что они и сделали, и приехали на ДТП. Действовали по инструкции. База «Скорой помощи» в этом районе не оснащена реанимобилями.

Катя слушала голос следователя, будто он вещал из радиоприемника или другого предмета в кабинете, но никак не из малинового рта. Бурлящее масло гнева превращалось в масло бессилия.

– Тэкс, продолжаем. Согласно заключению судмедэксперта, травмы, полученные в результате ДТП, были тяжелыми. Политравмы. Разрывы внутренних тканей и органов. Переломы, повреждения позвонков, сотрясения мозга. Множественные гематомы, серьезные повреждения сосудов. Я не буду сейчас вам все их перечислять. В заключении эксперта сказано, что врачебное вмешательство было своевременным и уместным. Но, увы, уже не могло помочь пострадавшим.

Теперь о свидетеле. Степан Константинович Студеный, проживающий в соседнем доме с погибшими, оказался на месте ДТП первым. Он увидел опрокинутое транспортное средство, лежащее вне дорожного полотна. Остановился, чтобы оказать помощь и вызвать спасателей. Он, кстати, должен сегодня подойти в отделение. Автомобиль был перевернут, что может способствовать его внезапному возгоранию. В таком случае необходимо постараться извлечь пострадавших из кабины. Степан Константинович пытался помочь пострадавшим. Его уж обвинять – совсем совести не иметь.

– Как у вас все складно получается! Никто не виноват, но люди погибли.

– Екатерина Андреевна, напомним вам, что обвиняемый по данному делу имеется. Это Грибанов А. П. А пострадавший – Грибанова М. Л. В связи с этим и возбуждено дело. В таких случаях мы рекомендуем написать заявление о приостановлении уголовного дела.

Катя представила, как она срывает самый большой календарь со стены и запикивает его следователю в рот, лишь бы он заткнулся.

– Я этого так не оставляю. Мой отец за всю жизнь ни разу не попадал в аварию. Ни разу! Вы пытаетесь все свалить на него. Но такого я уж точно не допущу. Вам лень работать. И из-за этого виновные даже не чувствуют угрызений совести. Вот вы сами, как вас там, опять забыла, вы вроде бы молодой человек, а уже насквозь прогнивший. Не видите живых людей. Для вас все эти дела – просто бумажки. Рутинка. Еще одно дело, которое поскорее бы закрыть. Да вы не человек, вы – мусор человеческий. Вы думаете, что ни до чего нет никому дела? Что все так и останется. Но нет! Нет!!! Я доберусь до правды!

Возможно, Катя успела прокричать что-то еще более хлесткое. Возможно, она даже сбросила стопку бумаг со стола следователя.

Возможно, даже Буров М. С. выскочил из-за стола и постарался Катю утихомирить. Человек-то он был не плохой. Не гнилой, как показалось Кате, если только с самого краешка. Вполне возможно, что в кабинет зашли другие сотрудники отделения. У них были автоматы. Но что сделаешь с женщиной в ярости. Оружие тут бессильно. И Катя, отмахиваясь от утешений и автоматов, вышла из кабинета номер восемь.

И надо же было случиться так, что тут же она встретила соседа, того самого Степана.

– Мои соболезнования, Катенька, – успел сказать Степан.

– Убийца, – швырнула ему Катя в ответ.

А когда она вышла на улицу, то нашла машину Степана и нацарапала на дверце ключом «убийца». После чего действительно полегчало.

– Почему Степан-то убийца? – Олег чистил картошку. Шкурки сползали в ведро длинными червячками.

– Если бы не его «помощь», родители были бы живы. Я уверена в этом. Они все покрывают друг друга, – Катя отвечала спокойно, без запала. Возможно, она и сама начинала сомневаться в необходимости обвинять соседа в убийстве.

– А если бы он не остановился, то страшно представить, что вообще было бы, – продолжал Олег. Неочищенными остались две картофелины. – Сколько они пробыли там до его приезда, неизвестно. А сколько бы пробыли, если бы не он? Всю ночь?

Катя молчала. Она уже сочиняла текст петиции.

Зазвонил телефон. Степан.

– Алло.

– Катенька, зачем же ты мне машину-то попортила? Я ведь ничего не сделал плохого. Что же ты так несправедливо-то обходишься со мной, – голос Степана был горький, как недоспелый грейпфрут. – Я же помочь хотел, я как лучше хотел. А ты... – Степан, видимо, махнул рукой от досады, той самой рукой, в которой держал телефон.

Катя поежилась. Посмотрела, как Олег наливает в кастрюлю воду и кладет картофелины одну за одной.

– Я что хотел сказать-то еще, Катя, – Степан совладал с рукой и досадой, – Андрей с Мариной перед выездом ругались сильно. Кричали. Они обычно тихие такие, а тогда были сами не свои. Марина плакала даже. Я со своего участка слышал, через забор. Думал, зайти – не зайти, может, случилось что. А когда вышел, то они уехали уже. И вот что еще непонятно, на вечер в гости звали меня. Андрей звал. Но вот уехали. Я еще подумал: наверное, случилось что-то. Серьезное... Куда они спешили? И куда успели... – Степан зашмыгал носом, в телефоне появились звуки, будто он кладет его куда-то.

– А с машиной ты зря, Катенька. Не могу я с такой надписью ездить. Закрасить надо. Обращаться не буду никуда. Решим сами. Погорячилась ты, понимаю. Я у ребят сегодня узнаю, во сколько обойдется ремонт. Тебе скажу сумму. Надеюсь, недорого...

Паутина женщин

Под утро всегда сладко спится. Подолгу с вечера не можешь заснуть. Просыпаешься среди ночи. Слышишь, как дождь в окно постукивает. Скребет водяными когтями, как тоска. Поворачиваешься с левого на правый бок. Все неудобно.

Катя закидывала на мужа ногу. В одеяле он выглядел подобно холму. Шотландский холм. Олегу тоже не спалось. Ныли колени. Погода. Суставы не выдерживали нагрузки от давления. То ли давления веса, то ли атмосферного. Крутились. Взяли телефоны. Лежали так циклопами в темноте, то и дело тыкая пальцами в свой светящийся глаз.

Читали всякие статейки. Закон о животных. Люди голодают у Думы. Семь дней на воде, и все для того, чтобы поскорее прошел второе чтение закон о правах животных. К голодающим выходят время от времени депутаты, что-то спрашивают и уходят обратно в свою теплую Думу, в теплую думу о родине.

Кевин Спейси и Вайнштейн лечатся от сексуальной зависимости в специальной клинике, после того как их обвинили в харассменте. Особенно было досадно за Кевина Спейси. Олег его даже оправдывал, что Катю бесило еще больше. Нельзя оправдывать негодяев, даже если они любимые великие актеры. Олег обычно мямлил что-то о невнятности границ между знаками внимания и домогательствами. Между способом завоевать свой объект вожделения и эксплуатацией нижестоящих сотрудников. Олег предполагал, что скандалы с актерами – удачный способ отвлечь внимание от чего-то более значительного. Катя же ощущала, что мир наконец-то подошел к важным переменам – уже занес одну ногу над следующей ступенью развития. И по этому случаю ни Кевину Спейси, ни Харви Вайнштейну никаких поблажек – пусть расплачиваются! Современный человек должен это осуждать.

Возмущение постепенно улеглось, после того как Катя оставила под новостями комментари, где изложила в четкой форме, что она думает об этом всем.

Гнев бодрит, особенно праведный. Катя продолжила серфить.

Участница группы «Пусси Райот» и активист «Божьей воли» поженились. И стали компротисной ячейкой общества. Это баян, но все равно удивительный. Чубайс пообещал России большую газовую турбину, пообещал лидерство России на рынке беспилотных автомобилей. Олег увлекся подборкой статей про Чубайса, а Катя пролистывала исповедь Алехиной и Энтео, открывая каждую гиперссылку. Сон не шел, зато шел пятый час. А в семь уже вставать. Мир, такой далекий от их постели, такой безумный, такой круглосуточный, мир, в котором совершенно не было их, их бессонницы, рассказывал истории одну за другой, меняя фотографии, темы, персонажей. Холивараы сменялись холиварами, люди троллями. Это было где-то там, по ту сторону, в заэкране. Где их (Кати и Олега) никогда не будет. И хорошо, наверное, что так.

Олег закрыл свое жидкокристаллическое око. Дыхание его стало более ровным. Послышался тихий храп, звучащий как двигатель беспилотного автомобиля. Спейси, Вайнштейн и Чубайс лечились от сексуальной зависимости на большой газовой турбине.

Катя еще повертелась, уткнулась в огромное плечо мужа, убирала и возвращала руку ему на грудь. Отворачивалась, поворачивалась. В окно продолжал скрестись дождь. Не спалось. Вязкое чувство, будто ты в болоте между бодрствованием и сном. И неясно, какой берег ближе. Еще эта полутошнота...

Катя открыла сайт «чайлд. ру». Стала читать описание первой недели беременности: беречь себя, отказаться от ядов, не принимать никаких лекарств без согласования с врачом. Первая неделя считается от первого дня последней менструации. Катя перелистала до третьей недели. «Оплодотворенная яйцеклетка попадает в матку, где имплантируется в эндометрий, если имплантация пройдет благополучно, то... Ощущения женщины в этот период похожи на ощущения приближающейся менструации... В месте образования плаценты начинают образо-

ываться ворсинки, в каждую из которых вырастает капилляр... Из задней части внутризародышевого листка в утолщенный тяж мезодермы прорастает аллантоис». Текст становился все чудесатее. «Эмбрион напоминает небольшой шарик диаметром до 0,2 мм». Перелистнула на описание четвертой недели. Катя читала, не понимая слов. Как мантру. Как молитву.

Три года попыток. Обещанного же три года ждут. Пора уже. К вопросу подходили обстоятельно, по науке. Обследовались: анализы, УЗИ, цитология. Олег сдавал спермограмму раз в полгода. Уже шесть раз. С научной точки зрения они были абсолютно способны к деторождению. Показаний к ЭКО не было. Но зачатия не случалось. Не считая двух замерших беременностей на очень раннем сроке. Самопроизвольные выкидыши. Катя научилась об этом не думать как о чем-то страшном. Погрешности, говорила она о выкидышах. Артем был зачат относительно легко. Значит, все нормально должно быть и дальше.

Катя отложила телефон и попробовала сконцентрироваться на своем животе. Есть ли там уже зарождающаяся жизнь? Получилось ли в этот раз? Как и прежде, ей казалось, что получилось. Что она ощущает, как ворсинки вырастают капиллярами и пятая часть миллиметра постепенно становится миллиметром. Она уже видела себя округлившейся, с налившейся грудью. В джинсах со специальной резинкой для живота. Представляла, как гордо заходит в лифт, и соседи смотрят на нее с восхищением. Она уже планировала семейную фотосессию, где она, как женщина-весна, в развевающемся платье, с венком в волосах из живых белых цветов. Ее русые волосы волнами спадают на плечи. Олег обнимает. Их животы почти одинакового размера, и в этом есть комический эффект. А Артем прислоняется головой к животу, укрытому мягкими светло-зелеными складками. И они все босиком. На каком-нибудь коврик под искусственную траву.

Катя коснулась живота. Вспомнила маму. Бабушку, тетю, другую бабушку, сестру Машу тоже вспомнила. И стало ей казаться, что весь мир окутывает паутина из женщин. Женщины плетут эту паутину из самих себя, как волшебные пауки. Священные пауки. Изредка в паутине появляются мужчины. Паутина из женщин обволакивала землю одним большим сотовым облаком. И где-то там, внутри нее, была Катя. Одна из. Липкий паутинный сон наконец-то забрал ее к себе из другой всемирной паутины.

Под утро так сладко спится. Снятся цветные, манящие сны.

Олег обычно вставал первым и шел в ванную. Ему выходить раньше всех, чтобы успеть до часа пик. Потом уже Катя будила Артема. Сквозь сон он просил: «Еще пять минут, еще пять минут». Катя снимала с сонного пижаму и надевала на него носки. Сладкий, домашний, теплый мальчишка. Артем постепенно просыпался. Становился более вредным, ворчливым, капризным. Утро, ничего не поделаешь. Катя велела ему чистить зубы. Кормила тостами с маслом и вареньем. Мальчику нужны быстрые углеводы. Отводила в школу. Идти всего пятнадцать минут – быстро. Если кое-кто не хочет прыгнуть во все лужи. В школьных штанах. И в кого вырастают такие дети?! И почему нельзя отвечать им подзатыльники?! У этих психологов с теорией привязанности, наверное, никогда не было настолько вредных детей. И дойдя до школы, Катя поняла, что чего-то недостает из утреннего комплекта. Она есть, сын есть, сменка есть. Рюкзак!

– Я думал, ты возьмешь его, ты же всегда берешь, – флегматично сказал Артем.

Катя очень хорошо помнит про теорию привязанности и осознанное родительство. Поэтому подзатыльники под запретом. Рука так и зудит, но она хорошая мать и никогда не позволит себе выйти за рамки. И Катя идет домой за рюкзаком. Незапланированные полчаса из жизни. Но дети, сперва дети, а потом все остальное. В материнском сердце уживаются и ненависть, и любовь. Дети – наше все, так ведь?

И тут Катя вспомнила, что давно не заглядывала в электронный дневник. Бездны разверзлись перед ней.

Петиция

Знаете, чем сегодня отличается от вчера? По нашим стариковским меркам, стремительностью. Мы замедляемся с годами, метаболизм замедляется в организме, а все вокруг ускоряется. Сегодня несется нам навстречу так, что иногда приходится зажмуриваться от скоростей.

День у Кати проходил в духе сегодня. Поставки сырья, растаможка. Ругань с таможенной службой. Письма, звонки, «Вотсап» – и все бесконечно. На работе она становилась грозной функцией, беспощадной валькирией. Паровым котлом, двигателем.

– Что значит задержка отгрузки? Вы что там, двинулись совсем, что ли? Сколько можно сидеть, жопами хлопать? Нарушаете условия контракта. Вы в курсе, чем это чревато? ...А это уже не мои проблемы. Ваша очередь нас не волнует... Гамлет, прошу, не надо драматизировать!

И дальше звонки, переговоры, язвительные письма. К середине дня отгрузка, назначенная на конец месяца, происходила на две недели раньше.

Но сегодня у Кати было еще одно важное дело. «Change.org.» На сайте Катя пролистала список петиций. «Мы за тонировку», «Мы против Дома-3 на канале ТНТ», «Мы за легализацию марихуаны», «Мы требуем отказа от электронных паспортов», «Нет религии в образовании», «Жалоба на Почту России», «Дельфинов выселяют!», «Мы за возрождение СССР», «Верните нам Египет», «Верните Запорожье» и даже «Мы против микроблога «ВКонтакте» – к «ВКонтакте» вообще много претензий у граждан.

Катя полистала несколько сайтов с петициями и написала во все. Заполнила форму. «Бездействие полиции и халатность врачей привели к гибели граждан». Нет, так не годится, надо, чтобы был призыв к решению проблемы. «Виновные должны быть наказаны» – так непонятно, какие именно виновные. Катя злилась на себя, что не может сообразить, как лучше написать. «Дело Грибановых. Требуем наказать виновных!» Подумала еще: «Виновные в смерти супругов Грибановых должны понести наказание!» Катя нажала кнопку «поделиться».

«Если мы будем продолжать делать вид, что нас это не касается, то беспредел никогда не закончится. Все так и будут прикрывать друг друга, а справедливость окажется где-то в другом мире, но не в нашем. Если нам по-прежнему будет все равно, то представьте, в каком мире будут жить наши дети. Пора меняться!»

Иногда сложно представить, что может наворотить простая петиция, опубликованная в социальных сетях. Отправляя в плавание текст, трудно предугадать его траекторию. Особенно если ты обычный пользователь, не трендсеттер, не профессиональный блогер. На следующее утро было 10 лайков и 2 перепоста. И на том все могло бы и закончиться.

А потом «ружье», повешенное Катей на сайте петиций, выстрелило – 50 лайков и 8 перепостов. А через день уже почти 800 перепостов. К обеду следующего дня счет шел на тысячи.

Случайно увидел одноклассник Кати, известный в узких, но расширяющихся кругах борец с системой, как он любил себя называть. И понеслось. Под постом с петицией набралось под тысячу комментариев. Начался холивар. Одни обличали врачей, другие – родителей, третьи – обличителей врачей, четвертые – обличителей обличителей. Появились люди, которые обличали во всем соседние страны и неверную политику государства. Кто-то все сводил к национальной идее, точнее, антиидее, если можно так выразиться.

Случилось так, что вдруг обычный пост вызвал эффект бабочки. Так сошлись звезды, наверное. Если вы верите в звезды, конечно. Катя в звезды не верила, она верила в справедливость. Вера в справедливость страшнее веры в звезды. Начались сообщения в личку Кате. Со словами поддержки, с потоками обвинений. Катя быстро овладела искусством бана.

Все шло как нельзя лучше: шум был поднят. Это уже маленькая победа, считала она. Олег не разделял ее ликования. Он, человек тихий, замкнутый, даже считал шумиху лишней, мешающей решениям.

Семейная жизнь активизируется к вечеру. Днем люди просто люди: ученики в школе, начальники отделов, аналитики, бухгалтеры, безработные, пассажиры метро и водители автомобилей. А вечером они возвращаются в свои жилища, чтобы стать единой ячейкой общества. Перевоплощаются в мужей, жен, дочерей. Перетекают из одного состояния в другое. Вечером все по воле или по неволе играют роли членов семьи. Иногда переход дается с трудом. Работа проникает в квартиру, ухватившись за шлицы пиджака. В голове иногда еще звучат фразы с последнего совещания. А тут квашеная капуста, котлеты из морозилки, которые надо срочно разогреть. У няни к вечеру зловонное дыхание, но вы не знаете, как сказать ей об этом.

Олег перетекал в домашние клетчатые штаны и майку – мягкую, залюбленную множеством стирок. Он бы с большей радостью был просто котом. Он даже им притворялся, но из него так себе притворщик.

Катя, как обычно вечером, была многословна. Олег научился слушать ее фоном, как птиц. Бакланов или гусей – кого-то из водоплавающих.

Котлеты уже дошкворчали до слегка почерневшей корки. Катя поставила тарелки для всех. Артем лениво ковырял пюре, делая в нем бороздки вилкой. Хоронил в маленьких пюрешных холмиках загадочного школьного врага Витьку. Мысленно. И есть картошку после этого не хотелось. Откусил обжигающую котлету, было горячо, но он сильный, ему нипочем жар.

Олег ел, не замечая пищи. «...Четыре тысячи перепостов», – донеслось до него из Катиной трели. Олег человек медленный, спокойный, но прозорливый. Видение ситуации часто приходило к нему не через логические цепи размышлений, а из ощущения. Мозг шифровал от него свои схемы решений и выдавал готовые выводы. У Олега спина покрылась мурашками. Волоски на спине поднялись и уперлись в ткань майки. Четыре тысячи перепостов значило надвигающееся на них нечто. Гораздо превосходящее их маленькую семейную лодочку. Бакланый галдеж в этот раз предвещал неладное. Он подумал и сказал:

– Угу.

Маша и дневник

Маша предпочла бы не думать о дневнике. Она хотела бы стереть из прошлого тот разговор с мамой, выжечь хлоркой не только его, но и вообще поставить заплатку на тот час, когда она узнала, что была удочерена. Нарисовать свое прошлое так, как ей нравится. И вставить в рамочку. И пусть оно даже не вздумает двинуться. Она может его перепридумать. Перерисовать. Переписать. Эти мысли приходили все чаще и чаще.

Но где-то есть дневник. Он не канул, как она думала, а внезапно стал существовать тут, в сегодняшнем дне. Он буквально где-то лежал, имел точные GPRS-координаты и четкий контур. Вдруг он воскрес. Обрел снова страницы и буквы на этих страницах. Маша помнит, как спрятала его, замаскировала в обложке «Преступления и наказания». Вклеила внутрь страницы из еженедельника – так легче было прятать. Даже Катя не догадывалась. Кто же перечитывает такие книги? Дневник стоял невидимкой на книжной полке. Где-то во втором ряду – в доме любили книги, относились к ним с пиететом. И с пиететом ссылали на дачу каждую весну. Они плыли по реке смерти, чтобы обрести новую жизнь в загробном, то есть загородном мире. И ни одна книга, кажется, не совершила обратный переход. Кроме дневника.

В доме его не было. Оставалась только машина. В машине должна была быть сумка – большая дорожная, зеленого цвета.

Маша вскочила и начала ходить по комнате. Она буквально ощущала этот дневник в зеленой сумке, словно у нее была припрятана камера на обложке. Во что бы то ни стало надо забрать дневник. И перед прочтением сжечь.

Маша увеличила скорость своих метаний, расширила диапазон с комнаты до квартиры. Где-то должны были быть джинсы. Где-то. В ванной на крючке не висят. В шкаф даже заглядывать не стоит – они никогда не бывают на своем законном месте. У кровати не лежат. На кресле тоже. Где же они, черт их дери! Тут Маша увидела, как из корзины для грязного белья будто издевательски высунутый язык, торчит штанина – «мы сегодня не выходные, у нас отпуск, мы отдыхаем!». Вообразить, что тебе что-то говорят джинсы – тревожный звоночек, правда? Маша тайком разговаривала с вещами. Это был ее секрет. Привычка, закрепленная еще в детстве, прилипла к ней – не оторвать. Возможно, это вид психического расстройства, но никому не мешает ведь. Особенно если не афишировать.

Маша сняла с сушилки выстиранные черные штаны. «Ну что, дорогие, теперь ваш черед маяться». И натянула на тонкие ноги. Затем настал черед толстого свитера, свитер был молчалив. Маша влезла в него, как в огромный мешок, отчего стала казаться еще тоньше.

– Катя! Скажи адрес, где стоит машина родителей, – решительным и возбужденным голосом выпалила она.

– Маша, здравствуй, во-первых.

– Да, да, привет! Разве я не сказала сразу?

– Нет, не сказала. – Фоном слышался шум дороги: видимо, Катя ехала на работу.

– Извини, извини, извини, так где же машина?

– Зачем тебе она?

Маша оказалась неподготовлена к диалогу. Она вдруг замолчала и остановилась.

– Алло, Маша, ты слышишь меня?

– Да-да, я слышу, – темп речи упал, да и сама Маша вдруг почувствовала себя выбитой из уже закрутившегося торнадо. – Мне нужно ее осмотреть.

– Зачем? – Катя изумилась.

– Вдруг что упущено, вдруг забыли внимательно обследовать... – Маша понимала, что это фиаско. Секунду назад она была частью торнадо, а теперь на нее движется цунами. – Посмотреть их вещи...

– Маша, что ты от меня скрываешь? – Катя звучала в телефоне как наплзающая на берег огромная волна.

– Ничего, – голос Маши стал песком.

– Мама тебе звонила перед выездом, так? Зачем они собирались в Москву вечером в четверг? Они тебе сказали? О чем вы говорили? Маша, почему ты молчишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.